

УДК 327(470+510)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ СИСТЕМЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Е.В. Гулина

Рассмотрены виды и принципы взаимодействия России и Китая в Центральной Азии, а также модель их сотрудничества на основе дополняемости и взаимовыгодного обмена для устойчивости системы ЦАР.

Ключевые слова: Россия; Китай; Центральная Азия; система; взаимодействие; теория обмена; гомеостат.

RUSSIA AND CHINA INTERACTION FOR ENSURING OF SYSTEM RESISTANCE FOR CENTRAL ASIAN REGION

E.V. Gulina

It is considered types and principles of Russian-Chinese interaction in Central Asia as well as cooperation model on the base of complementarity and mutual beneficial exchange for Central Asian region system resistance.

Keywords: Russia; China; Central Asia; system; interaction; exchange theory; homeostat.

Географическое положение, наличие ресурсов, пересечение транспортных маршрутов обуславливают геополитическую значимость Центральноазиатского региона (ЦАР). Сегодня здесь сходятся стратегические политические, экономические, культурно-цивилизационные интересы Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России, США, Турции, стран ЕС.

Регион объективно входит в сферу национальных интересов России. В настоящее время активно развиваются отношения Китая, стратегического партнера России, с государствами Центральной Азии, и встает вопрос о перспективах ее позиций в регионе. Сейчас можно наблюдать относительное уменьшение российского влияния в ЦАР и все большую вовлеченность Китая в дела региона, хотя без РФ в ЦАР по-прежнему невозможно решить ни одну значимую проблему.

Если Россия стала постепенно возвращаться в Центральную Азию под эгидой общих ценностей в рамках многосторонней интеграции, то Китай стремится закрепить свое присутствие в регионе путем укрепления более осязаемых двусторонних связей с государствами региона. Так, торговля между Китаем и пятью постсоветскими республиками выросла, по данным МВФ, более чем в 25 раз: с 1,8 млрд долл. в 2000 г. до 50 млрд долл. в 2013 г. В последние годы Китай стал крупнейшим торговым партнером региона [1, с. 35]. В Казахстане

на китайские компании приходится почти 1/5 доля всей добычи нефти в стране.

Системный подход позволяет представить Центральноазиатский регион как систему, которая, как и любая другая, стремится к поддержанию устойчивости своего развития и самосохранению. Основными элементами системы ЦАР являются пять республик региона, а также Россия и Китай ввиду их активной вовлеченности в дела региона, географического соседства и фактического присутствия в регионе. Элементы системы ЦАР связаны различными узлами: от традиционно-исторических до экономических и политико-военных. В качестве внерегиональных акторов можно назвать Афганистан, Индию, Иран, Пакистан, Турцию, США. В качестве акторов в системе представлены организации и объединения, которые также становятся выразителями определенных позиций: ОДКБ, ШОС, НАТО, СВМДА, исламские организации. В качестве входных сигналов из внешней среды на систему оказывают влияние ситуация в Афганистане, террористические угрозы, процессы исламизации и др. При этом на стабильность системы влияют и внутренние факторы: водная проблема, территориальные разногласия, сепаратистские настроения и др. Среди самих стран Центральной Азии существуют противоречия и конкуренция (например, между Казахстаном и Узбекистаном за региональное лидерство).

Стратегические интересы России и Китая в ЦАР близки в вопросах поддержания безопасности существующих границ, борьбы с терроризмом, поддержания региональной стабильности, экономического сотрудничества, геополитического взаимодействия. Серьезного внимания заслуживает укрепление совместных усилий России с Китаем и другими заинтересованными сторонами в вопросах нейтрализации угроз сепаратизма, экстремизма, терроризма и наркотрафика, что вовсе не исключает объединение российско-китайских усилий в конкретных начинаниях и проектах, будь то в рамках ШОС или в иных форматах.

В культурном плане регион отличен и от России, и от Китая, а потому не следует ожидать их противостояния в данной сфере. Соответственно, можно выделить две основные области, в которых Россия и Китай могут выступать конкурентами: сфера экономики и сфера “мягкой силы” (хотя ряд экспертов это оспаривают [2, с. 321]). Дальнейшее наращивание экономического влияния Китая в Центральной Азии может стать “геополитическим вызовом” России в регионе. В этих условиях России нужно найти баланс сотрудничества, но в то же время и сдерживания Китая, обозначив “пределы” китайского присутствия в регионе во избежание прямого столкновения интересов в Центральной Азии, что соответствует и китайской ориентации на “прагматическое мышление” [3], предполагающее, в том числе, четкое обозначение “красных линий” – границ допустимого в случае конфликтных ситуаций для недопущения неверной интерпретации своих действий.

Помимо активного выстраивания Китаем партнерских отношений с каждым отдельным государством ЦАР им продвигаются и многосторонние проекты с участием стран региона. Так, в настоящее время набирает темпы реализация проекта “Экономический пояс Шелкового пути” (ЭПШП), укладываемая в курс проводимой “периферийной дипломатии” Китая. В рамках проекта возможна прокладка нескольких маршрутов как через Россию, так и в обход нее. Согласно официальной позиции КНР, «реализация “Экономического пояса Шелкового пути” не дублирует и не соперничает с другими механизмами сотрудничества”, такими как ШОС и ЕАЭС» [4]. Позиция РФ по данному вопросу неоднократно высказывалась в духе его поддержки, а в мае 2015 г. было подписано Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП.

Тем не менее реализация Китаем данного проекта вполне может привести к сокращению влияния России в Центральной Азии. Правительство КНР высказало идею об интеграции ЭПШП и “Морского Шелкового пути XXI века” [5]. В этом

случае ЕАЭС фактически может раствориться в данном проекте. Под вопросом также использование Северного морского пути, поскольку китайский “Один пояс, один путь” не предполагает прямого выхода в Арктику. Кроме того, запуск ЭПШП не обязательно положительно отразится на развитии Транссиба и использовании других маршрутов на территории России (на что возлагаются надежды сторонников проектов в России) ввиду непригодности российской инфраструктуры (порты, трассы, склады и т. п.) для проекта с точки зрения современных стандартов качества.

Все сказанное выше порождает следующую проблемную ситуацию: потенциальное противоречие национальных интересов в Центральной Азии стратегических партнеров России и Китая в условиях стремления каждого из них проводить собственную линию и закрепления в качестве лидера региона при разных возможностях в рамках общей необходимости поддержания стабильности и обеспечения безопасности в регионе. При этом важно помнить, что центральноазиатский вектор является важным, но не ключевым направлением внешней политики КНР: Китай уделяет большое внимание отношениям с Россией. Можно также отметить, что пока Китай признает политическое лидерство и особую роль России в регионе [6, с. 252]. Однако в настоящее время становится все более актуальным оказание Китаем и Россией совместной действенной помощи странам региона.

Соотнесение важных, приоритетных и неприоритетных интересов акторов позволяет провести анализ проблемной ситуации, построив матрицу интересов [7, с. 172–173]. Наибольшую угрозу представляет столкновение важных интересов, которое неминуемо ведет к антагонизму и невозможности совершения уступок акторами. На наш взгляд, подобных противоречий в российско-китайских отношениях в ЦАР пока нет. Напротив, соотношение неприоритетных интересов представляет легко разрешимую проблему в отношениях. Наиболее частотные соотношения важных/приоритетных и приоритетных/приоритетных интересов, которые близки к антагонизму и представляют трудно разрешимые проблемы, требующие вынужденные и крупные уступки, а также важных/неприоритетных и приоритетных/неприоритетных интересов, которые выражают разрешимые проблемы, не формирующие основания для конфронтации. Именно к этим двум категориям относятся те имеющиеся предпосылки, которые в перспективе могут привести к росту конкуренции между Россией и Китаем в Центральной Азии: экономическое и финансовое доминирование Китая, усиление позиций Китая в вопросах военного сотрудничества со странами региона, результаты сотрудниче-

ства с Россией/Китаем для политических режимов в регионе.

Взаимодействие – философская категория, отражающая воздействие акторов друг на друга, взаимообусловленность их действий. Выделяются два типа взаимодействия: сотрудничество и соперничество. Говоря о российско-китайском взаимодействии в регионе, мы будем использовать понятие “сотрудничество”, поскольку именно оно ставится главной целью.

Фактически ключевыми параметрами в определении уровня и характера взаимодействия между элементами-акторами выступают международные связи, которые по содержанию могут быть политическими, военными, экономическими, правовыми, идеологическими, культурными и научными [6, с. 162]. Данная типология позволяет при помощи различных методов, например путем многомерного статистического анализа, определять уровень взаимодействия стран, формируемый совокупностью интегральных показателей по количественным и качественным критериям к каждому параметру, например: частотность проведения консультаций/переговоров; совпадение позиций по вопросам; наличие общих интересов; наличие конфликтных интересов; сбалансированность сфер сотрудничества; наличие общих институтов/организаций; совместные экономические (в т. ч. логистические, инфраструктурные и энергетические) проекты; организация студенческих обменов, курсов языка; уровень военного сотрудничества (проведение учений, поставки техники и технологий, обмены); наличие содержательных соглашений; общественное мнение относительно друг друга; понимание идеологии и культурных особенностей; уровень внедрения инструментов мягкой силы; доля участия в обеспечении безопасности стран региона. Чем выше степень дополняемости различных видов взаимодействий, т. е. чем более комплексным является внешнеполитическое сотрудничество, тем оно стабильнее, и наоборот.

В рамках теории социального обмена взаимодействие рассматривается как процесс обмена между его участниками “действие – выгода”. По Дж. Хомансу, поведение субъектов закрепляет модель поведения друг друга. Он называет факторы закрепления “величинами”. Следуя его логике, такой величиной в межгосударственных отношениях могут быть, например, газовые поставки в российско-украинских отношениях или экономические уступки в обмен на определенную политическую поддержку в российско-китайских отношениях (например, в вопросах строительства ветки “Москва – Казань”). Хоманс сформулировал пять основных постулатов обмена [8], близких идеям бихевиоризма. На наш взгляд, данная теория и ее принципы (в особенности те-

зисы о том, что субъект стремится чаще совершать действие, за которое он получает вознаграждение, и что субъект способен на демонстративную агрессию или лояльность в зависимости от полученного вознаграждения в сравнении с ожидаемым) могут быть перенесены на межгосударственные отношения с целью учета выгод и уважения интересов акторов при их взаимодействии для обоюдовыгодного повышения эффективности сотрудничества, что может лечь в основу модели взаимодействия между государствами. При этом важно минимизировать отношения подчинения, появляющиеся, когда один из участников обмена обладает монопольной возможностью совершать полезные действия для других и устанавливает в связи с этим свои условия игры (например, в случае финансового превосходства или военного преимущества).

Дж. Коулмен определяет систему как сеть индивидов, связанных различными взаимодействиями, через которые они удовлетворяют свои интересы при том, что не все из них обладают контролем над необходимыми ресурсами [9, с. 1, 29]. Методом экстраполяции это можно перенести на систему международных отношений, где место индивидов занимают акторы, что согласуется с выделением эгоистической природы государств у Т. Гоббса и индивидов у Дж. Коулмена.

Применение теории обмена к международному взаимодействию не игнорирует и конфликт, поскольку даже в случае обмена вознаграждениями возможно, что одна сторона выиграет от взаимодействия больше, чем другая. Рациональной является ситуация общего умеренного выигрыша.

В процессе регулирования системы важно понятие “соотношения сил”, в особенности военной и экономической мощи, информационных и организационных ресурсов акторов. Превосходство в этих областях приводит к сознательному или стихийному росту их влияния. Стихийное влияние является результатом наличия материальных ресурсов, оно не регулируется, принуждает, содержит в себе угрозу. Сознательное же влияние убеждает, а не принуждает, и опирается на мягкую силу, политику, право, идеологию, научное и культурное влияние. Фактически в Центральной Азии влияние Китая более “сознательно”, нежели влияние России, опирающейся на традиционно сложившиеся формы взаимодействия с регионом.

Помимо общих принципов российско-китайских отношений (взаимная поддержка в вопросах суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, идеологизация двусторонних отношений, регулярные консультации, учет ментальных особенностей, прагматичность и др.), их взаимодействие должно опираться и на принципы адаптации к внешним

и внутренним импульсам, такие как принципы предельности изменений, своевременности, рациональности и соразмерности/сопоставимости принимаемых мер и уступок, что в целом может быть использовано в рамках разрешения стратегических противоречий между акторами. Выделенные принципы применимы и к региональному сотрудничеству России и Китая в Центральной Азии.

Развитию сотрудничества сторон в регионе и его устойчивому развитию могла бы способствовать определенная “специализация” в регионе, во-первых, самих России и Китая, а во-вторых, созданных при их участии структур, чтобы они могли дополнять, а не исключать друг друга из-за пересечения сфер деятельности и, особенно, участников. В рамках динамической гомеостатики возможно построение модели управления системой через выделение в ней балансного гомеостата, образуемого парой антагонистов (элементов системы, имеющих несовпадающие интересы). В нашем случае антагонистами будут выступать Россия и Китай. Объединение антагонистов в балансный гомеостат позволяет фиксировать поведение системы в виде системы логических уравнений по ряду параметров (в частности, тем, что были отмечены выше). Опираясь количественными и качественными параметрами антагонистов, можно их “склеивать” или “расщеплять”, что и будет процессом динамического управления [10].

Таким образом, в качестве регулятора в ЦАР, в том числе в рамках обеспечения системы безопасности в регионе, можно предложить российско-китайское взаимодействие через сопряжение нескольких институтов или проектов с их участием для сохранения структурной устойчивости системы. Дж. Розенау выделяет четыре типа политической адаптации [11], один из которых – содействующая адаптация, когда запросы извне и изнутри сбалансированы и как бы “разделены пополам”, и акторы могут использовать эти запросы в своих собственных национальных интересах. При этом никто из игроков не может быть однозначно признан победителем или побежденным. Это, в свою очередь, может быть использовано и при “специализации” областей взаимодействия России и Китая, в том числе в процессе поддержания функциональной устойчивости системы (например, гармонизация экономических проектов – ЭПШП и ЕАЭС, политики по обеспечению безопасности – ШОС и ОДКБ, борьбы с терроризмом – РАТС и АТЦ СНГ), т. е. через координацию многосторонних институтов с участием России и Китая по каждой конкретной функции для формирования общего ответа системы на внешние сигналы (проекты ЕС и США, присутствие НАТО, ситуация в Афганистане, распространение наркотиков и т. п.).

Так, при акценте на экономическом аспекте – сопряжении ЕАЭС и ЭПШП – возможно “склеивание” России и Китая, используя их преимущества и действующие механизмы и структуры, следующим образом: рабочая сила (КНР), инвестиции (КНР), технологии (РФ), складирование (РФ), техника и оборудование (РФ + КНР), сервис (РФ), повышение скорости торговых операций (РФ / ЕАЭС), снижение барьеров (ЕАЭС, ЗСТ СНГ), популяризация (студенческие обмены, туристические маршруты – РФ + КНР), обеспечение безопасности на маршрутах (РФ + КНР).

Возможность и целесообразность проработки модели взаимодействия России и Китая в регионе будет способствовать систематизации параллельных российских и китайских проектов евразийской интеграции для регионального развития и стабильности.

Литература

1. Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия: рабочая тетрадь / Российский совет по международным делам. М., 2013.
2. Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы / под общ. ред. К.Л. Сыроежкина. Алматы, 2011.
3. 领导干部要善于底线思维 // URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-04/07/c_115289665.htm
4. Посол КНР в Москве: надеюсь на улучшение инвестиционного климата в России // URL: <http://www.interfax.ru/400597>
5. Подробнее см.: Vision and Actions on Jointly Building the Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road // URL: <http://en.people.cn/n/2015/0329/c90883-8870719.html>
6. Казанцев А.А. “Большая игра” с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А.А. Казанцев. М., 2008.
7. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: учеб. пособие для вузов / М.А. Хрусталева. М., 2015.
8. Подробнее см.: Хоманс Дж.К. Социальное поведение: его элементарные формы / Дж.К. Хоманс // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2001. № 2. С. 117–163; № 3. С. 132–169; № 4. С. 98–122.
9. Coleman J. Foundations of Social Theory / J. Coleman. Cambridge, 1990.
10. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы / А.В. Шевченко. М., 2004.
11. Rosenau J.N. The Study of Political Adaptation / J.N. Rosenau. L.; N.Y., 1981.